

А. В. БАНК

ВОСТОЧНЫЙ СОСУД С ГРЕЧЕСКОЙ НАДПИСЬЮ

*(К истории культурных взаимоотношений Византии и Египта
в XIII—XIV вв.)*

Советские исследователи впервые поставили вопрос об условности и по существу неправильности определения художественных (и иных историко-культурных) явлений средневековья по вероисповедным или династическим признакам¹, как это делает буржуазная наука, которая говорит, например, о существовании христианского и мусульманского искусства, рассматривая то и другое в качестве совершенно изолированных явлений². Конечно, было бы неверно отрицать огромное значение религиозной идеологии для средневекового общества, когда во всех областях умственной деятельности верховное господство принадлежало богословию, а „догматы церкви были одновременно и политическими аксиомами“³. Однако анализ форм и строительной техники памятников архитектуры и особенностей ее декорации, исследование различного рода изделий художественной промышленности показывают, что развитие искусства происходило по некоторым общим законам, что оно определялось в конечном счете социально-экономическими условиями жизни общества, что в сходной социальной среде, вне зависимости от господствовавшей там или здесь религии, наблюдались сходные явления и в области искусства. Конкретное исследование отдельных вещественных памятников убедительно вскрывает ту роль, которую играли различные народы в развитии так называемого сасанидского, сельджукского, так же, как и византийского искусства. Вещественные памятники представляют большой интерес и для характеристики культурных взаимосвязей различных народов.

В составе богатейших собраний Отдела Востока Государственного Эрмитажа одно из наиболее значительных мест занимает так называемая мусульманская бронза. Хотя для большинства памятников этого

¹ И. А. Орбели. Мусульманские изразцы, Государственный Эрмитаж, 1923; его же. О классовых корнях некоторых традиций исторической науки. „Сообщения ГАИМК“, 1931, № 1; его же. Проблема сельджукского искусства. „Труды III международного конгресса по иранскому искусству и археологии“, М.—Л., 1938. Сборник „Памятники эпохи Руставели“, Л., 1938 (статьи И. А. Орбели, А. Ю. Якубовского, М. М. Дьяконова, А. В. Банк) и др.

² См., например, E. Kühnel. Kunst und Kultur der arabischen Welt, Heidelberg—Berlin—Magdeburg, 1943; G. Migeon. Manuel d'art musulman, I—II, Paris, 1927, и др.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII, стр. 128.

рода обозначение их термином „мусульманские“ имеет известное „формальное“ основание [поскольку встречающиеся на них имена (заказчиков или мастеров) говорят об их принадлежности „мусульманской“ среде], но следует отметить, что и в этой группе произведений художественной промышленности имеются образцы, связанные с иной, „христианской“ средой.

Мы имеем здесь в виду бронзовый тазик, хранящийся в Отделе Востока под инв. № ЕГ-728. Этот тазик украшен орнаментальными мотивами, в стилистическом и техническом отношении обычными для большой группы памятников „мусульманской бронзы“. Однако среди этого декоративного убранства имеется не только привычная в такого рода произведениях арабская надпись, но и привлекавшая наше особое внимание надпись, сделанная греческими буквами (рис. 1)¹.

Скупые данные инвентаря сообщают, что тазик в числе других бронзовых восточных сосудов приобретен в 1901 г. у некоего Филиппо из Тегерана² и происходит, по словам продавца, из Керманшаха.

По бортику таза нанесен рисунок в виде гирлянды из листьев. Основную поверхность в верхней части занимает обвитая стилизованным растительным орнаментом арабская надпись, разбитая на шесть отрезков; между ними расположено шесть медальонов, в которых изображены, чередуясь: в трех — стилизованные утки (по шести в каждом круге), в трех других — стилизованный растительный орнамент. На дне снаружи — вписанный в круг декоративный узор в форме как бы шестиконечной звезды, образованной пересекающимися кругами (рис. 2); поверхность „звезды“ заполнена растительным орнаментом, а промежутки между ее концами — шестилепестковыми розетками, окаймленными летящими утками. На дне внутри — стайка плавающих рыб.

Интересующая нас надпись помещается на фоне растительного орнамента в узеньком поясе между арабской надписью и кругом, в который вписана звезда. Она разбита на два отрезка (разделенных завитками растительного орнамента), причем каждый из этих отрезков окаймлен с обеих сторон изображением четырехконечного (со слегка расширяющимися концами) креста в медальоне. Текст надписи следующий: ⊕ ΟΝΟΝΑΤΗΜΑΝ ⊕ ΟΥΝΛΟΠΕΡΕ ⊕ (рис. 3—4).

Нет никаких оснований предполагать, что надпись нанесена на сосуд в позднейшее время: по своему техническому выполнению она ничем не отличается от других элементов декорировки сосуда; она не нарушает и композиционного единства в убранстве чаши. Единственным моментом, вызывающим сомнение, является разрыв на довольно большом расстоянии имени ΜΑΝ | ΟΥΝΛΟ | ; однако это, по свидетельству Л. Т. Гюзальяна, часто наблюдается в арабских надписях.

Переходя к вопросу о времени и месте изготовления интересующего нас предмета, необходимо сразу же отвести попытки отнесения его

¹ Диаметр чашки по краю — 16,5 см, диаметр брюшка — 18,5 см, высота — 8,5 см. В нижней части сосуда имеется пробоина, переходящая в вертикальную трещину; вторая трещина, идущая в горизонтальном направлении, задевает пояс греческой надписи. В декорировке чашки можно лишь с трудом рассмотреть остатки инкрустации серебром (например, отдельные точки в орнаментальных деталях медальона справа от трещины), столь распространенной на предметах, относящихся к данному периоду.

² Ф. Зарре, рассказывая о пополнении восточных коллекций Берлинского музея, упоминает о румыне Филиппо, который объездил весь Передний Восток, вплоть до Афганистана, Туркестана и Индии и доставил в музей хорошее пополнение. F. Sarré, *Zuwachs der Islamischen Abteilung, „Berichte aus den Preussischen Kunstsammlungen“*. XLIV, № 5—6, 1923, S. 35. Возможно, что речь идет об одном и том же лице.

к иранскому кругу памятников: на нем легко обнаружить декоративные элементы, обычные для сиро-египетской группы XIII—XIV вв. Значительное место, занимаемое в убранстве сосуда арабской надписью, представляет одно из оснований для датировки его XIV в.¹, тогда как для украшения бронзовых предметов предшествующего периода (вплоть до конца XIII в.) характерно наличие множества фигур людей и животных. Широко распространен в первой половине XIV в. и мотив стилизованных уток, появляющийся впервые во второй половине XIII в.

Возникновение этого мотива принято связывать со временем правления султана Калауна (1279—1290)², имя которого в переводе значит „утка“. Мало убедительной представляется попытка некоторых ученых³ толковать это изображение как герб; помимо указанного соображения в пользу этого нет никаких данных. Обращаясь к опубликованному материалу, можно заметить, что изображение уток, подобное нашему, правда, в менее стилизованной форме, встречается уже в период, предшествующий Калауну, а именно — на чаше, датированной 50-ми годами XIII в.⁴, а значительное распространение этот мотив получает в первой половине XIV в., при его преемнике Мелик-ан-Насире. Так, например, стилизованные утки окружают розетку на чаше из собрания Британского музея (сходной с нашей и по общим композиционным принципам разбивки поверхности стенок — см. St. Lane-Poole. *Op. cit.*, рис. 87), изготовленной для эмира Мелик-ан-Насира (правил с 1293 г. с перерывами до 1341 г.), на бронзовых предметах Каирского музея⁵ и на многих вещах из собрания Эрмитажа⁶.

Большинство этих предметов, приведенных нами в качестве аналогий, украшено надписями, указывающими на их принадлежность к так называемому Мамлюкскому кругу.

Еще более распространено на вещах этого типа изображение подобной же шести-или восьмилестковой розетки, иногда в качестве центрального медальона⁷, иногда в виде самостоятельного элемента. Существует мнение, согласно которому этот мотив считается гербом „быть может, какого-нибудь ведомства“ (L. Mayer. *Saracenic Heraldry*, стр. 19, 29; табл. на стр. 8), однако это мнение едва ли обосновано.

Значительно труднее найти аналогию орнаментальной композиции, покрывающей нижнюю часть сосуда: единственной изданной аналогией является упомянутая выше чаша, датируемая более ранним временем (1250—1257; см. Martin. *Ältere Kupferarbeiten aus dem Orient*, табл. 23): здесь применен тот же принцип разбивки поверхности в виде звезды, но не шестиконечной, как в рассматриваемом тазике, а восьмиконечной, вписанной в круг, причем концы ее, пересекая друг друга, сами образуют меньшие круги; аналогичным образом расположены и розетки между концами звезды. Но на экземпляре, собрания Зарре имеется иное орнаментальное заполнение этой звезды: особенно резко отличается верхний пояс декорировки сосуда, где представлены характерные

¹ St. Lane-Poole. *The art of the Saracens in Egypt*, London, 1886, p. 158.

² M. Van Berchem. *Notes d'archéologie arabe*. „*Journal asiatique*“, 10 série, t. III, 1904, p. 74.

³ L. Mayer. *Saracenic Heraldry*, Oxford, 1933, p. 7, tabl. XIV — представленная на этой таблице птица совсем не походит на утку, напоминая скорее орла

⁴ G. Migeon. *Manuel d'art musulman*, t. II, рис. 245—6; T. R. Martin. *Ältere Kupferarbeiten aus dem Orient*, Stockholm, 1902, Taf. 3.

⁵ G. Wiet. *Catalogue général du musée Arabe du Caire. Objets en cuivre*, Caire, 1935, tabl. VI, XXXII и др.

⁶ Инв. № EG 761, 763, 764 и др.

⁷ Sammlung F. Sarre. *Erzeugnisse islamischer Kunst*, t. I, Berlin, 1906, Abb. 25—30.

для XIII в. фигурные изображения. Выше говорилось уже и об иной трактовке уток.

Таким образом, беглый обзор декоративных элементов, украшающих рассматриваемый памятник, приводит к выводу, что мы имеем дело скорее всего с предметом, изготовленным в египетских мастерских первой половины XIV в.¹

Содержание арабской надписи, установленное Л. Т. Гюзальяном, и анализ ее, произведенный им же, подтвердили высказанную нами гипотезу о происхождении и датировке сосуда.

Если для тех или иных деталей орнаментального убранства чаши можно найти большее или меньшее количество аналогий, то мы не могли бы привести ни одного опубликованного памятника из состава так называемой „мусульманской бронзы“, на котором была бы греческая „христианская“ надпись.

В рассматриваемой связи следует упомянуть еще о двух бронзовых сосудах, хранящихся в Эрмитаже. Мы имеем в виду два тазика, близких по форме тому, который является предметом нашего изучения. Оба тазика значатся по инвентарю Отдела Востока под №№ ЕГ 753 и ЕГ 755. Они приобретены в 1904 г. у Л. С. Вельяминовой-Зерновой. Первый из них несколько больших размеров (диам. 20,3 см) и украшен инкрустацией серебром и чернью; его орнаментация также включает медальоны с изображением стилизованных уток, окружающих шестилепестковые розетки, которые чередуются с медальонами с изображением растительных побегов, окружающих такие же розетки. Арабская надпись упоминает одного из эмиров египетского султана XIV в. (рис. 5).

Второй сосуд (ЕГ 755) сохранил богатую инкрустацию золотом и серебром. По бортику — арабская надпись, чередующаяся с изображением бегущих животных; растительный орнамент и группы животных между мелкими розетками представлены у края снаружи. На стенках в шести медальонах изображены, чередуясь, шестиконечные звездочки и утки, терзаемые хищными птицами. В отрезках фриза — арабская надпись и растительный орнамент (рис. 6). На дне внутри — стайка плавающих рыб.

На обоих сосудах на дне снаружи выгравированы греческие христианские монограммы. Их техническое исполнение отличается от техники основного декоративного убранства чаш², а расположение никак не связано с основной композицией и скорее нарушает последнюю.

На сосуде ЕГ 753 выгравированы буквы $\text{I}\omega\text{N}$ и несколько ниже N (титла которого перечеркнута, как крест, рис. 7), повидимому, обозначающие имя и сан владельца: $\text{I}\omega\acute{\alpha}\nu\text{N}\eta\varsigma\ \mu\eta\tau\rho\text{P}\acute{o}\lambda\iota\tau\eta\varsigma$ (Иоанн митрополит); на сосуде ЕГ 755 — трижды повторены расположенные на поле щитов буквы $\text{K}\xi$ (титлы которых, несколько заворачиваясь кверху, также перечеркнуты крестом, рис. 8), которые следует читать, как слово $\text{K}\upsilon\text{r}\iota\epsilon$ (господин, господи).

Трудно сказать, где и кем именно были поставлены эти знаки; возможно, что это было сделано и вне Египта: форма щита и характер

¹ Известное распространение имела в свое время точка зрения, трактовавшая изображение стайки рыб, имеющееся на дне нашего сосуда, как специфически египетский мотив (St. L. a ne-Poolle. The Art of the Saracens in Egypt, p. 154—155); однако обзор восточных памятников, происходящих из различных районов, в частности из Ирана, приводит к выводу, что этот мотив не может служить точкой опоры для определения места изготовления вещи.

² Быть может, розетка на дне внутри чаши ЕГ 753 нанесена одновременно с монограммой; ее исполнение, как бы „елочкой“, близко последней.

написанных букв не дают оснований считать, что время их нанесения выходит за пределы XIV в.¹; но все же в обоих случаях нет органической связи с основным убранством сосудов, а следовательно, нет и полной аналогии нашей чаше.

Известен бронзовый сосуд, богато украшенный инкрустацией серебром, имеющий, наряду с арабской, еще и надпись на старофранцузском языке: это чаша XIV в., изготовленная для кипрского короля Гюга IV Лузиньяна², на которой представлены обычные для „мусульманских“ памятников (рис. 9) сцены звериного гона и знаки зодиака, в сочетании с изображениями христианских святых и гербами семьи Лузиньянов и города Иерусалима³. Этот сосуд, однако, трудно определить как чисто восточную вещь и по характеру орнамента и по содержанию повторяющейся арабской надписи, говорящей об изготовлении предмета для Гюга Лузиньяна.

Быть может, другая, более поздняя чаша XV в., на которой арабская надпись сочетается с латинской (C. Enlart. *L'art gotique et la renaissance en Chypre*, p. 755—756) была изготовлена в Италии. Примечательна стилистически далеко не однородная группа памятников, на которой элементы восточной „мусульманской“ тематики и орнамента сочетаются с христианскими изображениями: таковы — знаменитое „Кашгарское“ блюдо Эрмитажа⁴ или чаша из частного собрания в Брюсселе⁵, датированная серединой XIII в., с надписью, упоминающей титул султана Египта и Дамаска, и изображениями евангельских сцен и святых; таков подсвечник XIII в. из музея Декоративных искусств в Париже (G. Migeon. *Manuel d'art musulman*, v. II, рис. 239) работы некоего Давуда, сына Саамы из Мосула, который изготовил и другие вещи, отнюдь не предназначенные для „христианской“ среды⁶;

¹ Имеющаяся в нашем распоряжении литература по греческой эпиграфике рассматриваемого периода не дает оснований для более точного определения времени и места нанесения монограмм; мы руководствуемся в данном случае не столько собственными наблюдениями, сколько соображениями таких авторитетных специалистов, как Л. А. Мацулевич. Пользуемся случаем для того, чтобы принести ему благодарность за это указание.

² C. Enlart. *L'art gotique et la renaissance en Chypre*, t. II. Заметка H. R. d'Allemagne, p. 743—756; tabl. XXXV.

³ Как известно, семья Лузиньянов в XIV в. была представлена двумя линиями — кипрской и армянской. В сложном переплете взаимоотношений членов этой фамилии, связанной с Францией, Кипром, Иерусалимом и Арменией, своеобразно проявляется и тот круг не только политических, но и культурных взаимосвязей Запада и Востока, который характерен для рассматриваемого периода и получил свое отражение, в частности, в вещественных памятниках.

Для нас представляет особый интерес еще один из членов этой семьи, а именно принцесса Изабелла (носившая второе имя Марии или Маргариты) Лузиньян. Изабеллу Лузиньян — жену морейского деспота Мануила (1343—1380), сына Иоанна VI Кантакузина, считали до недавнего времени представительницей кипрского дома Лузиньянов (см. D. A. Zakythinos. *Une princesse française à la cour de Mistra au XIV siècle*, Isabelle de Lusignan Cantacuzène. „Revue des études grecques“, v. XLIX, janvier — mars 1936, p. 62—76). St. Binon (Guy d'Arménie et Guy de Chypre, Isabelle de Lusignan à la cour de Mistra, „Annuaire de l'Institut de philologie et d'histoire orientales et slaves“, v. V, Bruxelles, 1937, Mélanges Emile Boissacq, p. 125—142) путем сопоставления византийских и старофранцузских источников убедительно доказывает, что Изабелла является представительницей армянской линии Лузиньянов. Таким образом, в центре владений морейского деспота — Мистре мы можем искать сочетание не только элементов византийской и западной культуры, но и, быть может, черт армянской культуры.

⁴ А. Ю. Якубовский. Кашгарское блюдо XII—XIII вв. „Памятники эпохи Руставели“, М. — Л., 1938, стр. 209—216, табл. 23—27.

⁵ G. Migeon. *Exposition des arts musulmans*, Paris, 1903, tabl. 11—12.

⁶ M. van Berchem. *Notes d'archéologie arabe*. „Journal asiatique“, v. III, 1904, p. 23.

таков кувшин XIII в. из собрания Кехлина и др. Здесь не место подробно останавливаться на анализе этих весьма интересных памятников, лишний раз подтверждающих отсутствие резкой грани между „христианским“ и „мусульманским“ миром и общность вкусов знатных заказчиков. Большинство предметов данной группы, вероятнее всего, сиромесопотамского происхождения и, к тому же, более раннего времени, чем рассматриваемый нами памятник.

Несмотря на краткость интересующей нас надписи на Эрмитажной чаше, ее последнее слово, которое читается как „πεπής“, остается неясным. Слово πεπής можно понимать либо как фамилию Мануила, либо, как это было предложено проф. П. В. Ернштедтом, как коптский артикль π перед словом ἐπίσκοπος. Таким образом, надпись может быть переведена либо: „во имя (или „от имени“) Мануила епископа“, либо „во имя („от имени“) Мануила Пеписа“. Против первого понимания слова имеются два возражения: одно — это отсутствие аббревиатуры после буквы σ; второе — это написание η вместо ι после второго π. Известно, правда, что в средневековом греческом языке, особенно позднего периода, буквы ι и η постоянно заменяют друг друга, но все же в данном столь распространенном слове подобная замена вызывает некоторое сомнение. В этой короткой надписи имеются и прямые ошибки: именно в слове ὀνόματι¹ вместо ι также стоит η (что снова указывает на так называемый иотацизм средневекового греческого языка) и, видимо, вместо ω написано ο в слове Μανουήλω.

Все это, так же как разбивка имени Μανουήλ на две далеко отстоящие и разделенные крестом части, указывает на то, что надпись писалась человеком, плохо знакомым с греческим языком (подобных ошибок в арабской надписи Л. Т. Гюзальяном не обнаружено).

К сожалению, ни для одного, ни для другого варианта в толковании надписи нам не удалось найти вполне убедительных данных, которые бы позволили отождествить Мануила нашей надписи с каким-либо известным историческим лицом.

Так или иначе, при любом понимании надписи нет достаточных оснований исключать рассматриваемый памятник из „христианской“ египетской, т. е. коптской среды. При этом следует отметить, что если считать надпись греческой, то в этом случае она является едва ли не наиболее поздним эпиграфическим памятником, засвидетельствованным на территории Египта. По крайней мере, в своде христианских греческих надписей из Египта, изданных Гюставом Лефебюром², нет ни одной надписи моложе середины XII в., причем наиболее поздние из них происходят из мест, расположенных к югу от Ассуана. „Во всяком, случае, — пишет автор, — если на коптском языке продолжали, как говорят, объясняться в некоторых редких общинах еще в XII в., то греческий исчез в Египте полностью, не оставив там никакого следа“³.

Памятники коптской письменности периода позднего средневековья известны также не в столь большом числе: так, Амелино считал опубликованный им текст о мученичестве Иоанна Пханиджойт, относящийся к началу XIII в., „последним произведением, написанным на

¹ Об употреблении слова ὀνόματι в языке евангелия и позднее см. Merlies, "Ὀνόμα et ἐν ὀνόματι. „Revue des études grecques“, t. 47, 1937, p. 180—204.

² G. Lefebvre. Recueil des inscriptions grecques chrétiennes d'Egypte, Le Caire, 1907.

³ Ibid., Avant-propos, p. XII.

языке христианского Египта"¹. До нас дошли ткани XIII в., имеющие коптские надписи — иногда наряду с арабскими, ряд двуязычных (арабских и коптских) и чисто коптских рукописей, преимущественно, — евангелия.

Если скудны данные для характеристики греческой и коптской письменности XIII—XIV вв., то, пожалуй, еще меньшими сведениями мы располагаем для поздних „христианских“ вещественных памятников в Египте. Весьма вероятно, впрочем, что это объясняется порочной методологией буржуазной науки: исследователи истории мусульманского Египта, занимаясь „мусульманскими“ памятниками, не знают материала, характеризующего „христианскую“ среду; исследователи коптского искусства понимают его лишь как искусство „христианское“, без должного учета как древнеегипетских традиций, так и черт, связывающих его с так называемым „мусульманским“ искусством.

Большой интерес представляют некоторые фрагменты глиняных сосудов, найденных и, по всей вероятности, изготовленных в Египте. Мы имеем в виду, в частности, обломок сосуда, украшенного люстровой росписью с изображением Христа-Пантократора² (из Музея арабского искусства в Каире), найденный в Фустате и относящийся, по словам издателя, к XI—XII вв. Не менее интересен другой фрагмент из того же музея с изображением композиции „Снятие со креста“, выполненный в XIV в. в технике подглазурной росписи³.

Издатели первого фрагмента отмечают его уникальность и упоминают о другом образце XIV в., на котором имеется надпись — „сделано для благоденствующей церкви“. Г. Виет в примечании (где указан и номер этого последнего фрагмента — 9198) указывает, что речь идет не о церкви, а о монастыре Каллая (Aly Bey Bahgat. *Op. cit.*, p. 65).

К сожалению, в нашем распоряжении имеются лишь таблицы к базельскому изданию египетской керамики без текста, а текст каирского издания настолько скуп (причем археологические данные в нем отсутствуют полностью), что сказать что-либо большее об этих замечательных памятниках египетской керамики представляется затруднительным.

Несмотря на отсутствие достаточно близких аналогий в византийской керамике, несмотря также на специфически восточную технику фрагмента с изображением Пантократора (рис. 10), можно констатировать в нем черты, характерные для византийской иконографии периода XI—XII вв. (при некоторых отличиях, как, например, отсутствие характерных прядей волос на лбу), которые своеобразно сочетаются с элементами растительного орнамента, обычными для ближневосточной керамики.

Еще более высокими художественными качествами обладает фрагмент с изображением „Снятия со креста“ (рис. 11); заслуживает внимания как совершенство самой композиции, вписанной в круг, так и выразительность отдельных лиц с попыткой эмоциональной их передачи, быть может, отражающей те явления в области византийского

¹ E. Amélineau. Un document copte du XIII siècle. „Journal asiatique“, serie VIII, v. IX, 2 (1887), p. 113—190.

² Aly Bey Bahgat et Felix Massoul. La céramique musulmane de l'Égypte (publ. du Musée Arabe du Caire), Le Caire, 1930, t. XXXII, 2, p. 64—65; Musée de l'art arabe du Caire. La céramique égyptienne de l'époque musulmane, Bâle, 1922, tabl. 46.

³ La céramique égyptienne... , tabl. 123.

искусства, которые типичны для времени Палеологов. Для поздней иконографии характерно изображение по сторонам креста плачущих ангелов.

Более широко вошли в научный обиход десять частей деревянных кедровых дверей с резными изображениями орнаментальных растительных узоров на четырех пластинах и евангельских сцен („Благовещения“, „Рождества Христова“, „Крещения“, „Вознесения“ и др.) — на остальных. Эти створки, ныне хранящиеся в Британском музее¹, происходят из коптской церкви в Каире; обычно они датируются XIII в.

Если О. М. Далтон прав в трактовке орнаментальных пластин и заполняющих верхнюю часть створок орнаментальных деталей (он считает их „заимствованными из сарадинского искусства“)², то трудно согласиться с ним в оценке самих евангельских сцен, будто бы „сходных в основном с обычными византийскими изображениями“. Ни основные композиционные принципы — сплошного заполнения пространства (своего рода боязнь пустого пространства), ни трактовка отдельных фигур, ни их типология не вяжутся с нашими представлениями о византийском искусстве не только центра, но и провинции. Нет здесь общих черт и с другими приведенными выше „христианскими“ памятниками, связанными с территорией Египта. Скорее можно говорить о стилистических, да и типологических чертах, свойственных сиро-месопотамским памятникам (см. выше) XII—XIII вв., в известной мере продолжающим старые традиции восточнохристианского искусства.

В числе христианских памятников Египта этого времени следует отметить двуязычное (коптское и арабское) четвероевангелие, хранящееся в Патриаршей библиотеке в Каире под № 96 (ser. 5), датированное соответственной записью — 1291 г.³ На заглавной странице рукописи имеется изображение креста, сохранились также миниатюры, представляющие евангелистов Марка, Луку и Иоанна; первая страница евангелия от Иоанна имеет орнаментальное обрамление.

Если в изображениях евангелистов трудно усмотреть особые отступления от обычной византийской схемы в этих, быть может, несколько архаизирующих образах (рис. 12), то характер орнаментального обрамления (рис. 13) никак не заимствован из византийских рукописей и вполне укладывается по подбору используемых элементов в круг восточных памятников⁴. Таким образом, и здесь можно говорить о мирном сосуществовании на страницах одной рукописи элементов, воспринимаемых как чисто „христианские“, с другими, казалось бы, присущими „мусульманским“ памятникам.

Исключительный интерес для характеристики коптского искусства позднего времени представляет убранство монастырей Вади-Натрун (расположенных в долине, на грани Ливийской пустыни)⁵. Резные деревянные двери и другие детали деревянной декорации, орнаментация росписей или штукковых украшений ничем не отличаются от тех, которые применяются в то же время в „мусульманской“ среде. Христи-

¹ O. M. Dalton. *Catalogue of Early Christian Antiquities*, London, 1901, № 986, tabl. XXXIV, XXXV.

² O. M. Dalton. *Byzantine Art and Archaeology*, Oxford, 1911, p. 163, рис. 95.

³ Marcus Simaika Pasha. *Catalogue of the Coptic and Arabic Manuscripts in the Coptic Museum, the Patriarchate, the Principal Churches of Cairo and Alexandria and the Monasteries of Egypt*, vol. II, fasc. I, Cairo, 1942, tabl. X sq.

⁴ Обрезанное справа орнаментальное заполнение, как бы в виде гирлянд, напоминает армянские миниатюры.

⁵ Hugh G. E. White. *The Monasteries of the Wadi'n Natrun, Part III. The Architecture and Archaeology* (ed. Walter Hauser), New York, 1933.

анская тематика росписей, иконографически близкая одновременному византийскому искусству, отражает дальнейшее развитие местного египетского стиля, вырабатывавшегося в течение веков. Более внимательное изучение этих памятников несомненно дало бы богатейший материал для характеристики феодального — „христианского“ и „мусульманского“ — искусства Египта и, быть может, позволило бы в этом искусстве господствующего класса вскрыть и народную струю.

Таковы те, пока немногие памятники, которые нам удалось в настоящее время привлечь для характеристики „христианской“ среды в „мусульманском“ Египте.

Несмотря на свою малочисленность, рассмотренные предметы, как мы видим, представляют стилистически отнюдь не однородную группу. Повидимому, различные источники питали это позднее „христианское“ искусство Египта. Однако для нас здесь важно, с одной стороны, выявить самый факт существования этих поздних „христианских“ памятников и, с другой, — отметить наличие в них (в той или иной мере, в том или ином проявлении — будь то техника, иконография или стиль) элементов искусства, обычно определяемых как „мусульманские“. Весьма существенно показать всю порочность методологии буржуазной науки, рассматривающей те и другие памятники изолированно.

Возвращаясь к предмету настоящей публикации, необходимо выяснить вопрос о том, каковы же те реальные исторические условия, при которых была создана чаша, являющаяся предметом нашего изучения. Являлась ли она собственностью египетского епископа, или была предназначена для человека из византийской среды? Ответить на этот вопрос с абсолютной уверенностью пока не представляется возможным.

Хотя предположение об изготовлении интересующей нас чаши для владельца-христианина (быть может, и для епископа), проживавшего в Египте, не лишено вероятности, но вместе с тем возникает и другая гипотеза — о возможности бытования подобного сосуда в византийской среде.

На это предположение нас натолкнул, в частности, текст византийского историка XIII в. Георгия Пахимера, который описывает следующий случай, имевший место в Константинополе в конце XIII в. (именно — в 1279 г.) в царствование Михаила Палеолога: „Приходилось в церкви, — рассказывает Пахимер, — торжественно справлять праздник (Введение во храм, 21 ноября) в тот самый день, когда император пришел к соглашению через посредство Иосифа с церковью. И были принесены туда, по обычаю, для благословения чаши со зрелой пшеницей и с плодами; а из них лучшее... отбиралось для императора. Таких медных чаш было принесено с разных сторон множество, и среди них была одна, которая красотой превосходила другие и была достойна того, чтобы быть преподнесенной царю. Была же эта чаша украшена египетскими письменами; ибо существовала, как говорят, у египтян привычка вместо каких-либо украшений, делать надписи и на одеждах, и на окнах, и на всяческих сосудах. Случилось же, что та надпись воздавала хвалу имени проклятого Мухамета, или, как говорят иначе, Моамефа. Написанное кругом чаши, оно не осталось незамеченным обвинителями“...¹ Далее говорится о том, что получив

¹ Georgii Pachimeris de Michaelae Palaeologo lib. VI, c. 12, ed. Bonn, 1835, p. 453—454: „... σύνθετες μὲν οὖν ἦν περιφανῶς τελεῖσθαι τῇ ἐκκλησίᾳ τὴν τῆς ὑπαπαντῆς εὐρτήν,

донесение, император захотел убедиться в его правильности и послал своего служителя при опочивальне, Василия Василика, который знает письмо агарян; тот, прочитав надпись, удостоверил, что донесение соответствует истине; тогда император отверг чашу.

Текст Пахимера, таким образом, дает нам свидетельство о бытовании египетских вещей, несомненно близких анализируемому нами предмету, в придворных кругах Константинополя конца XIII в.¹ Этот факт не является случайным: следует принять во внимание оживившиеся в 60—70-х годах XIII в. политические и торговые взаимоотношения между мамлюкским Египтом и Византией, когда, как известно, Константинополь был своего рода посредником между Египтом и Золотой Ордой². Источники говорят о пребывании египетских послов в столице Византии и, наоборот, о византийских послах в Египте. Именно в этот период в Константинополе была построена мечеть, для которой султан Бейбарс отправил «ценные цыновки, золоченые подсвечники, украшенные вышивкой завесы, светильники, ковры, алоэ, амбру, мускус и розовую воду»³.

Таковы некоторые данные письменных источников, устанавливающие для более раннего периода факты бытования в Константинополе египетских вещей. Нет оснований исключать возможность подобных случаев и для последующих десятилетий.

М. Канар в своей статье *„Le traité de 1281 entre Michel Paléologue et le sultan Qalâ'un“*⁴ приводит интересные сведения из «документов, сохраненных Калкашанди, египетским писателем XIV—XV вв. и автором канцелярского руководства в четырнадцати томах»⁵. Как бы ни понимать этот материал — договор ли это или нарративный источник⁶ — для нас важна фиксация продолжающихся и при Калауне дипломатических и торговых взаимоотношений между Византией и Египтом.

ἄτε κατ' ἐκείνην τυγόντος παρ' Ἰωσήφ τοῦ κρατοῦντος τῆς συγχωρήσεως ἦν δὲ καὶ ἐφθῶ σίτω συνάμα χαρτεῖς ὁπωρῶν ποικιλλομένας τὰς τῶν ἐκπωμάτων πλατείας εἰς εὐλογίαν προτίθεσθαι, ὧν ὡς ἀπαρχὴ τις ἡ κρεῖττων τῷ βασιλεῖ προσήγετο ἐπιδόρπιος. ἐπεὶ δ' εἶκος τὰς χαλκᾶς ἐκείνας πλατείας ὑποδοχὰς πλείστας οὕσας ἔξωθεν ἐρανίζεσθαι, σὺν ταῖς ἄλλαις ἤν, μὴ δοκοῦσα κα' προτιθεῖν τῷ κάλλει καὶ ἄξια τῷ βασιλεῖ προσάγεσθαι, ἡ δὲ καὶ γραμμασίην Αἰγυπτίους ἵς ποικίλμασί τισιν ἐνεσκεύαστο· εἰδισαὶ γάρ, ὡς ἐλέγετο, Αἰγυπτίους αὐτ' ἄλλων τιῶν ποικιλιμάτων ἐν τε πέλλοις καὶ φωταγωγαῖς καὶ σκευαῖς παντοίοις τοῖς γράμμασι χρῆσθαι. ἔτυχον δὲ τὰ γράμματα τοῦ κατάρτου Μαχουμέτ', ταῦτόν δ' εἰπεῖν καὶ Μωάμεθ, ὄνομα ἐρέειν εἰς ἔπαινον. τοῦτο κύκλῳ τῇ πλατείᾳ ἐγγεγραμμένον τοὺς κατηγοροῦντας οὐκ ἔλαβε...»

¹ Следует отметить, что при раскопках Херсонеса обнаружено много египетских предметов, подтверждающих письменные свидетельства о связях Египта с Крымом в XIII в.; таков бронзовый калемдан с арабской надписью, ряд фрагментов стеклянных сосудов со следами надписей, гербом в виде бокала и др. См. «Известия Императорской Археологической комиссии», вып. 16, 1905, рис. 43; Отчет Имп. Археологической комиссии за 1904 г., рис. 97^а и др.

² Об этом см. Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение. М. — Л., 1950, стр. 83, 92, а также: Ф. И. Успенский. Византийские истории о монголах и египетских мамлюках. «Византийский временник», т. XXIV, 1923—1926, стр. 1—16; В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I. СПб., 1884, стр. 126, 189—190 и др.

³ Свидетельство Макризи, приведенное у E. Quatremère. *Mémoires géographiques et historiques sur l'Égypte et sur quelques contrées voisines*, t. II, Paris, 1811. *Mémoires sur l'état du christianisme sous les deux dynasties Mamlouks*, p. 222—223.

⁴ См. «Byzantion», t. X, 2, 1935, p. 669—680.

⁵ Ibid., p. 669.

⁶ Рецензия F. Dölger в «Byzantinische Zeitschrift», 1937/2, S. 467. Со статьей М. Канар. *Un traité entre Byzance et l'Égypte au XIII siècle et les relations diplomatiques de Michel VIII Paléologue avec les sultans Mamlûks Baibars et Qalâ'un*, «Mélanges Gaudetfroy Demombynes», Le Caire, 1937 — нам не удалось ознакомиться.

Рис. 1. Общий вид чаши с греческой надписью

Рис. 2. Чаша с греческой надписью со стороны дна

Рис. 3. Греческая надпись на чаше (деталь)

Рис. 4. Греческая надпись на чаше (деталь)

Рис. 5. Восточный сосуд с греческим клеймом с именем Иоанна

Рис. 6. Восточный сосуд с греческими клеймами с упоминанием „господи“

Рис. 7. Греческое клеймо на восточном сосуде

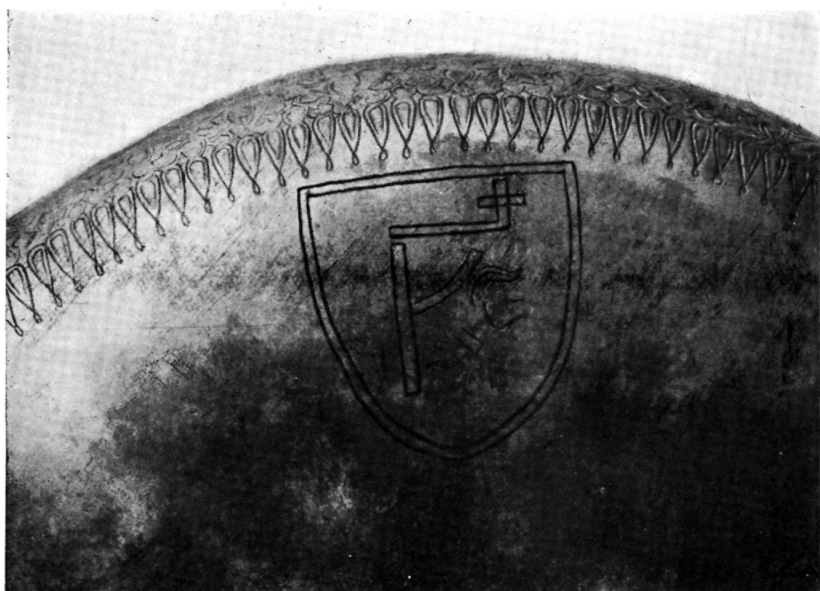

Рис. 8. Греческое клеймо на восточном сосуде

Рис. 9. Чаша кипрского короля Гюга IV Лузиньяна

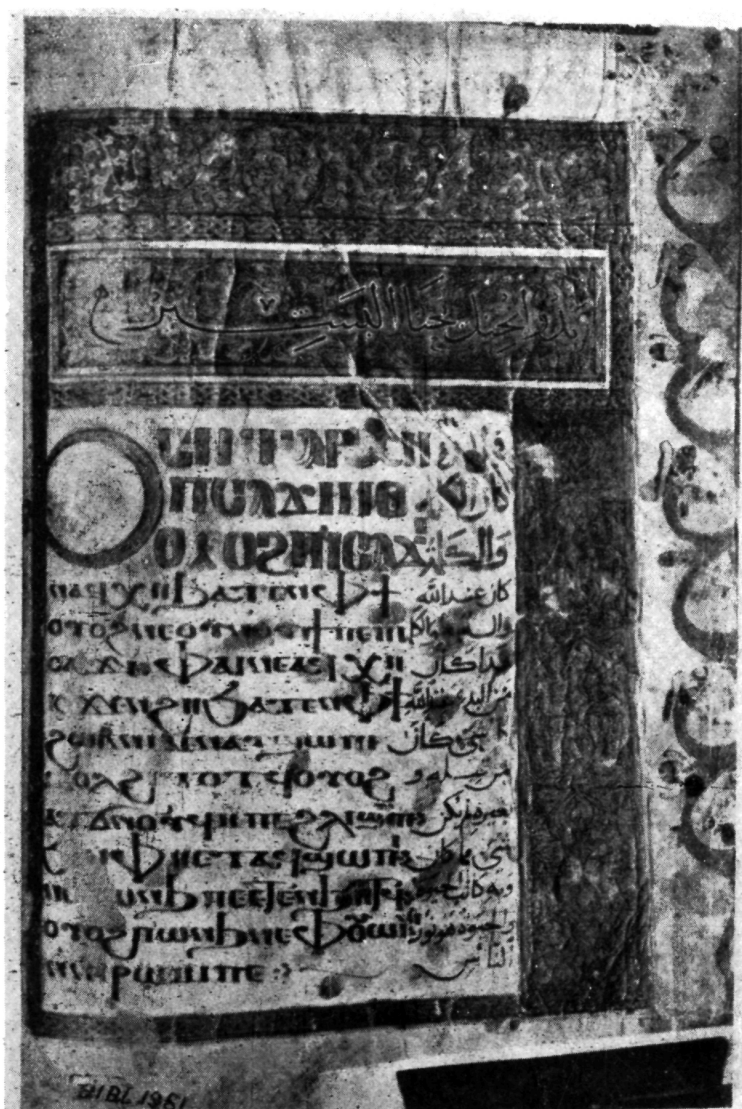
Рис. 10. Обломок глиняного сосуда с изображением Христа.
Найден в Фустате (Египет)

Рис. 11. Обломок глиняного сосуда с изображением „снятия со креста“.
Найден в Египте

Рис. 12. Миниатюра двуязычного евангелия (коптского и арабского) XIII в. Евангелист Марк

٩٦ الكتاب المقدس - صفحة أولية أخرى من انجيل يوحنا من الكتاب السابق
 No. 196 Bibl. - Initial folio of the Gospel of St. John from the same MS.

Рис. 13. Заглавная страница двуязычного евангелия (коптского и -арабского). XIII в.

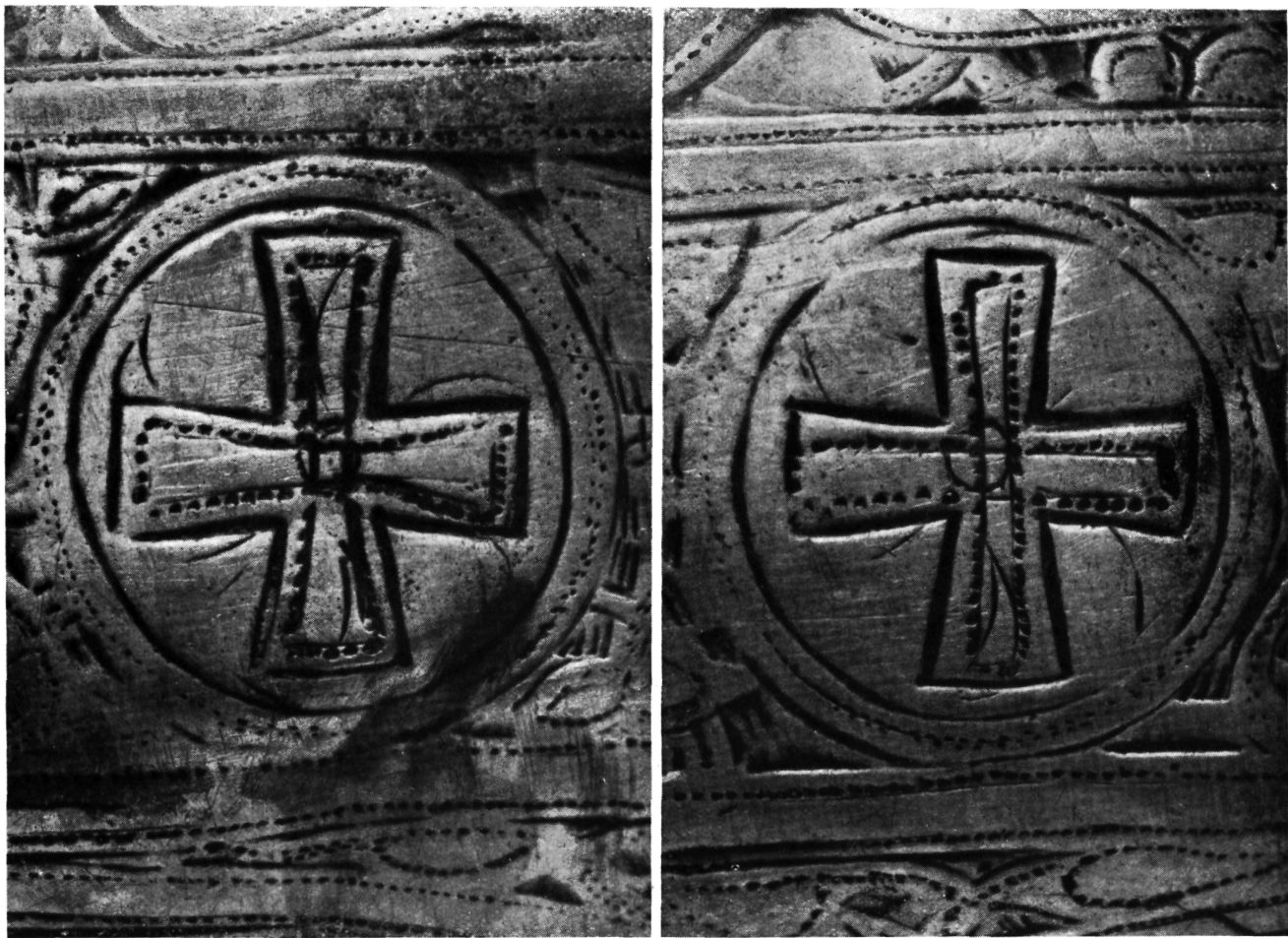

Рис. 14. Два вписанных в поясok кружка с изображением креста поверх первоначального рисунка розетки (увеличено)

Остается разрешить еще один вопрос: каковы же были условия существования христиан в Египте XIII—XIV вв.

Известно, что при султанах Бейбарсе наблюдалась известная веротерпимость и положение христиан несколько улучшилось, — быть может, это было обусловлено до некоторой степени оживлением политических связей с Византией.

По сведениям Макризи¹ и по данным других источников, Михаил Палеолог в письме к Бейбарсу просил его дать патриарха христианам-мелькитам. В ответ на это Бейбарс направляет в Константинополь в 661 г. некоего Рашида, возведенного в звание патриарха; его сопровождали несколько епископов и эмир Фарис-ад-дин-Акуш. Акуш возвращается с подарками императора. После этого наступает некоторое охлаждение, связанное с задержкой послов Бейбарса в Константинополе.

Положение христиан при Мелик-ан-Насире в начале XIV в. было также относительно благополучно. Некоторые крупные должностные лица, находившиеся при дворе султана, были выходцами из христиан. Однако в ряде письменных источников отражено резкое ухудшение положения христиан, имевшее место, повидимому, во втором десятилетии XIV в.

Источники² говорят о массовом закрытии и ограблении христианских церквей в стране, о таких формах преследования христиан, как, например, принуждение их носить особые синие чалмы, или ездить на лошади, опустив обе ноги на одну сторону.

Тем не менее, в этот вопрос, как видно из каталога патриархов Абул-Баракат-ибн-Кубра, вмешивается византийский император „Ласкарь“ (имя, видимо, ставшее нарицательным в арабских источниках начиная с XIII в.), который направляет в Египет посла с целью улучшения положения христиан. В результате принятых им мер были открыты некоторые христианские храмы — в старом Каире и в других местах³.

Скудные данные о положении христианской церкви в начале XIV в. не дают, таким образом, оснований считать вероятным, что в этот период мог быть изготовлен парадно украшенный сосуд для коптского епископа. Более правдоподобно, что изучаемая чаша была предназначена в качестве дара одному из лиц, сопровождавших византийское посольство. Интересно, что Иоанн Кантакузин в своей „Истории“⁴ подробно описывает, как в 1348 г. „император направил посольство к султану Египта, Сирии и Иудеи (имеется в виду Мелик-Насир-Хасан. — А. Б.) относительно местных христиан. Послы же были: Мануил Сергопул из граждан Византии и Иерусалимский патриарх Лазарь, которого нужно было установлением султана восстановить на престоле⁵, так как иначе, говорится далее, нельзя было назначать епископов

¹ J. Maspéro. Histoire des patriarches d'Alexandrie, Paris, 1923, Appendice III; E. Tisserant et G. Wiet. Le Catalogue patriarchal d'Abou'l Barakat ibn Koubr, p. 359, 381.

² Ibid., p. 378.

³ Ibid.

⁴ Cantacuzenus. Historia, lib. IV, cap. 14, ed. Bonn, 1832, t. III, p. 90—99.

⁵ Ibid., p. 90: „Βασιλεὺς δὲ καὶ πρὸς τὸν Αἰγύπτου καὶ Συρίας καὶ Ἰουδαίας Σουλτάν ὑπὲρ τῶν ἐκεῖνι Χριστιανῶν πρεσβεῖαν ἐπέστειτο. πρεσβευταὶ δὲ ἦσαν, ἕκ τε τῶν Βυζαντίου πολιτῶν ὁ Σεργόπουλος Μανουὴλ καὶ ὁ τῶν Ἱεροσολύμων πατριάρχης Λάζαρος, ὃν εἶδε προσταγμάτων Σουλτάν εἰς τὸν θρόνον ἀποκαταστήναι. ἄλλως γὰρ οὐκ ἔβριστι οὐδένα τῶν κατὰ τὰς πόλεις ἐπισκόπων, αἱ δουλεύουσι τοῦτοις τοῖς βαρβάροις, οὕτω συγκεχωρηκότες τοῦ Θεοῦ διὰ τὸ πολλὰ ἡμᾶς τοὺς καλουμένους ἀπὸ Χριστοῦ αὐτῷ προσκεκροικέναι καὶ προσκρούειν ἔχρι νῦν

в городах, поработенных „этими варварами“. Султан, как следует из дальнейшего, весьма благосклонно принимает послов, выполняет просьбу императора, восстанавливает на патриаршем престоле Лазаря и т. д.¹

Прозвище византийского посла Мануила — Σεργόπουλος (Сергопул) не позволяет нам отождествить его с Мануилом изучаемой чаши, если понимать слово πεπής как фамилию; нельзя его также считать епископом, поскольку Кантакузин называет его гражданином (ἐκ τῶν πολιτῶν) города Византии. И все же сама собою напрашивается гипотеза — не мог ли быть этот посол Мануил тем лицом, для которого предназначалась чаша: и дата посольства (40-е годы XIV в.), и остальные условия дают основание для подобного предположения.

Настаивать на этой гипотезе, конечно, трудно, но предполагать возможность изготовления изученного в настоящей статье бронзового сосуда для какого-либо участника византийских посольств первой половины XIV в. представляется вполне вероятным.

Как видно из предшествующего изложения, изучение египетской чаши с греческой надписью позволяет поставить ряд интересных вопросов, имеющих существенное значение для характеристики политических и культурных взаимоотношений Византии и Египта.

Внимательно присматриваясь к вещественным памятникам, как к документам эпохи, можно значительно полнее представить себе ход ряда исторических событий.

Л. Т. ГЮЗАЛЬЯН

ПРИЛОЖЕНИЕ К СТАТЬЕ А. В. БАНК „ВОСТОЧНЫЙ СОСУД С ГРЕЧЕСКОЙ НАДПИСЬЮ“

Сосуд, изучению которого посвящена предшествующая статья, с первого взгляда производит впечатление обычного сиро-египетского тазика или чаши (τάσι — *tas*) XIV в., с той лишь разницей, что в отличие от большинства таких же предметов, он богаче орнаментирован. В этом отношении изучаемый сосуд может быть поставлен в один ряд с группой богато орнаментированных тазиков, один из которых, принадлежащий Британскому музею, упомянут выше. Однако и в этой группе рассматриваемый тазик занимает особое положение. В убранстве сосудов можно отметить две отличительные черты: индивидуальные мотивы в орнаментах и инкрустацию не только серебром, но и золотом. Рассматриваемый же сосуд был инкрустирован одним лишь серебром, едва сохранившиеся следы которого можно разглядеть при внимательном осмотре покрывающих его узоров, в отношении же подбора сюжетов он не представляет ничего необычного. Поэтому, говоря о богатстве его убранства, мы имеем в виду только размеры орнаментированной на нем поверхности.

На подобных сосудах орнамент обычно покрывает с наружной стороны только борт и стенки, и с внутренней — середину дна. На рассматриваемом же экземпляре сверх того орнаментировано и все дно снаружи, так что на поверхности его не оставлено свободного места. Орнаменты, в число которых входят и надписи, ни в отношении художественности, ни по технике исполнения и мастерства ничего

¹ M. Canard. Une lettre du sultan Malik Nasir Hasan à Jean VI Cantacuzène. „Annales de l'Institut d'Etudes orientales“, Alger, 3, 1937, p. 27—52.